

Библиотека
новой экономической
ассоциации

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
ДО И ПОСЛЕ
МАРЖИНАЛИСТСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

УДК 330.8
ББК 65.02
Э 400

Рецензенты:

д.э.н. А. А. Мальцев
к.э.н. О. А. Славинская

Э400 **Экономическая теория до и после маржиналистской революции:** Сборник материалов III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики. 20–21 октября, 2021 г. / под ред. В. С. Автономова и А. Я. Рубинштейна. — СПб.: Алетейя, 2022. — 312 с.

ISBN 978-5-00165-584-8

Настоящий сборник подготовлен авторским коллективом на основе материалов III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики «Экономическая теория до и после маржиналистской революции». Описывается феномен маржиналистской революции, анализируются существенные различия между основоположниками — Менгером, Джевонсом и Вальрасом, а также освещается восприятие маржиналистской теории в России. Большое внимание уделяется вопросу, что осталось от исходного маржинализма в современной экономической науке и при решении междисциплинарных проблем.

Economic Theory before and after the Marginalist Revolution: Proceedings of the III October International Scientific Conference on Theoretical Economics. October 20–21, 2021 / ed. by V.S. Avtonomov and A. Ya. Rubinstein. — St. Petersburg: Aletheia, 2022. — 312 p.

The collection has been written by a collective of authors on the basis of the proceedings of the 3rd October International Scientific Conference on Theoretical Economics 'Economic Theory Before and After the Marginalist Revolution'. It describes the very phenomenon of the Marginalistic Revolution, analyzes the great differences between its founders — Menger, Jevons and Walras, as well as highlights the perception of Marginalistic theory in Russia. Much attention is paid to what is left of the original Marginalism in modern economic science and in solving interdisciplinary problems.

УДК 330.8
ББК 65.02

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

ISBN 978-5-00165-584-8

9 785001 655848

© Коллектив авторов, 2022
© Институт экономики РАН, 2022
© В.С. Автономов, А.Я. Рубинштейн, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	7
Макашева Н.А. Маржиналистская революция: сто пятьдесят лет спустя	8
Автономов В.С. Три источника и три героя маржиналистской революции	47
Рогожникова В.Н. Понятие экономической науки в маржинализме	74
Галеев А.В. Развитие идей протомаржинализма в России.....	89
Капелюшников Р.И. Маржинализм и марксизм: первая встреча	102
Дмитриев А.Л. Идеи маржинализма в России: первые шаги.....	126
Гловели Г.Д. Маржинализм и Другой канон в российской политэкономии	137
Ананьин О.И. Модели экономического поведения в теории Ричарда Кантильона	166
Борох О.Н. Уильям Стенли Джевонс в Китае: этапы восприятия экономических идей.....	186
Нифаева О.В. Композитивный метод К. Менгера: понятие, области применения, современная интерпретация	214
Рубинштейн А.Я. Маржиналистские основания концепции консолидированного дохода в теории опекаемых благ.....	230

Варламова Ю.А.

Маржинальный анализ в эпоху цифровой трансформации.....258

Ядгаров Я.С.

Маржиналистская революция – начало современных тенденций в развитии мировой экономической мысли279

Ореховский П.А.

Онтология маржинализма: от конструктивизма к «бесплатным завтракам»292

Полтерович В.М.

На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов.....296

Н.А. Макашева
НИУ ВШЭ, г. Москва

МАРЖИНАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ¹

В истории экономической мысли 1871 г. получил, хотя и далеко не сразу, особый статус даты маржиналистской революции, которая традиционно рассматривалась как некий рубеж в развитии экономической науки. Связано это было с фактом практически одновременной публикации работ У.С. Джевонса «Теория политической экономии» (1871), К. Менгера «Основания политической экономии» (1871), Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства» (1874) и теми новаторскими идеями в области методологии, теории ценности и аналитического инструментария, которые были в них представлены. Конечно, сама по себе дата условна, уже хотя бы потому, что следовало указывать интервал 1871–1874 гг., не говоря уже о многочисленных сомнениях по поводу хронологических рамок события, которое принято называть «маржиналистской революцией». Интерес к нему сегодня обусловлен не только любовью исследователей к впечатляющим датам, но и тем, что по мере отдаления от того или иного события и под влиянием накопленных знаний меняются наши представле-

1. Первоначальный вариант статьи принят к публикации в журнале «Вопросы экономики».

ния о его смысле и значении, появляется возможность разрушить или хотя бы скорректировать сложившиеся за многие годы стереотипы.

Изменения, которые обычно связывают с маржиналистской революцией, кратко можно выразить следующим образом: в теоретическом плане — это признание теории предельной полезности в качестве универсальной теории ценности и, как следствие, отказ от теории трудовой ценности; в области методологии — утверждение дедуктивного подхода и абстрактного метода. Отдельного упоминания заслуживает тезис о признании математического метода в качестве важнейшего инструмента получения нового знания, поскольку его разделяли не все герои революции. Как известно, К. Менгер и представители австрийской школы в целом настроенно относились к использованию математики, полагая, во-первых, что в математических терминах невозможно выразить всю сложность и многообразие экономических явлений, а во-вторых, что обычная логика является вполне достаточной для получения содержательных выводов. Однако, поскольку в дальнейшем (хотя и не сразу) развитие экономической науки пошло по пути математизации, историки экономической мысли в основном соглашаются с тезисом о математизации как характеристике маржиналистской революции.

Используя понятие маржиналистской революции, современные авторы очень часто обходят вопрос о ее временных границах и, как правило, не проявляют беспокойства по поводу смысла термина «революция» в данном контексте, предоставляя читателю самому решать, имеет ли он дело с метафорой, фигурой речи, образным обозначением важного события или нескольких взаимосвязанных, наконец, определенным понятием из науковедения. В последнем случае ситуация усложняется, поскольку «революция» означает не только появление радикальных новаторских идей, но и факт их признания научным сообществом, следовательно, при анализе этого события приходится учитывать институциональные аспекты процесса роста научного знания и неизбежно

«растягивать» само событие. Остается и вопрос, как маржиналистская революция вписывается в картину эволюции экономической мысли.

Данная работа не претендует на то, чтобы дать однозначные ответы на эти вопросы, в ней лишь делается попытка рассмотреть события 1870-х гг. в контексте предшествующего и с учетом последующего развития экономической науки, а также предлагается «декомпозиция» маржиналистской революции – рассмотрение ее как длительного процесса «переплетения» ранее сложившихся и относительно самостоятельных тенденций: эволюции теории ценности, сдвигов в методологии и математизации экономической науки.

Магия одновременности

Факт практически одновременной публикации работ Джевонса, Вальраса и Менгера по-прежнему вызывает удивление, граничащее с восхищением. Конечно, в истории экономической (и не только экономической) науки можно найти немало впечатляющих совпадений, в том числе и одновременной или почти одновременной публикации значительных работ. Можно привести подобные примеры и из истории теории ценности², не говоря уже о совпадениях, относящихся к другим разделам экономической науки или другим наукам, культуре, искусству и т. д. Но если не относиться к подобным совпадениям как к случайным, хотя и интересным фактам, то неизбежно возникает вопрос о связях между событиями. В данном случае простого перечисления работ, в которых упоминаются или даже обсуждаются понятия, относящиеся к теории полезности, и присутствуют первые построения на базе данной концепции или предпринимаются попытки применить в экономике современные для того времени научные

-
2. Если не требовать полного совпадения дат, то можно упомянуть о том, что в течение короткого периода 1831–1838 гг. были опубликованы несколько работ, содержащих элементы теории полезности (*Lloyd*, 1834; *Longfield*, 1834; *Walras*, 1831; *Cournot*, 1838). Однако, в отличие от наших героев, этих авторов не занимал вопрос о значении совпадения во времени их публикаций, более того, они не ощущали себя творцами новой науки.

методы, уже недостаточно, чтобы говорить о начале нового этапа в развитии экономической науки.

Вальрас и Джевонс радостно удивлялись тому, что они практически одновременно и совершенно независимо друг от друга и даже не подозревая о существовании друг друга, пришли к схожим идеям³. То же можно сказать и об их осведомленности (скорее, неосведомленности) относительно работ Менгера. Так, Вальрас, лишь работая над вторым изданием «Элементов» (1889), узнал о Менгере, который в свою очередь не был знаком с его работами в период подготовки «Принципов». Высоко оценивая важность своих новаторских идей, Вальрас и Джевонс хотели видеть в факте совпадения во времени не простую случайность, а нечто большее — назревший поворот экономической науки в сторону превращения ее в настоящую научную дисциплину, по степени объективности и логической строгости не уступающую естественным наукам, а по надежности предлагаемых практических решений — инженерным дисциплинам.

Однако независимо от того, был ли факт совпадения⁴ случайным или закономерным, и несмотря на высокую оценку героями революции своих новаторских идей, публикации их работ не оказали заметного влияния на современников, и даже значительно позже они не рассматривались большин-

-
3. В письме к Джевонсу от 23 мая 1874 г. Вальрас в частности писал: «Совпадение наших двух теорий по вопросу, о котором вы говорили, является впечатляющим» (Correspondance, 1874. P. 419).
 4. Для любителей совпадений могу напомнить несколько весьма интересных эпизодов. Так, например, в 1872 г. была опубликована работа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», которую многие искусствоведы считают началом символизма (отметим любопытный факт: символизм пришел в Россию примерно с тем же временным лагом, что и маржинализм). 1871 г. был годом создания таблицы Менделеева, 1873 г. — уравнений Максвелла, а в 1874 г. состоялась первая выставка импрессионистов. И этот калейдоскопический список нетрудно продолжить, даже ограничиваясь интеллектуальной областью, оставляя за скобками происходившие в это время такие крупные политико-экономические события, как франко-прусская война, объединение Германии и революция во Франции. Все это побуждает задуматься, не была ли маржиналистская революция проявлением более глобального сдвига в интеллектуальной жизни Европы? Но подобный вопрос, каким бы интригующим он ни был, выходит за рамки данной работы и если и имеет смысл, то должен быть скорее обращен к историку и философу, нежели экономисту.

ством экономистов как эпохальное событие. «Когда книги Джевонса, Менгера и Вальраса появились, они не только не спровоцировали революцию, но и едва ли произвели какой-либо шум» (*Niehans*, 1990. P. 162). По этому поводу Хайек в свое время заметил, что если в случае Вальраса и Джевонса отсутствие «шума» было обусловлено трудностью восприятия большинством экономистов того времени математических построений (это так и было), то в случае Менгера такое объяснение уже не годилось (*Хайек*, 2005а. С. 25).

Можно предположить, что во времена Вальраса, Менгера и Джевонса подавляющее большинство экономистов не были готовы к восприятию идей маржинализма и не были способны оценить значение этих идей для будущего науки. Возможно, отчасти разгадка кроется в простом факте, что для осознания значимости того или иного события часто требуется время. «Чем ближе к нам эпоха, тем меньше мы ее понимаем, а хуже всего — нашу собственную», — писал Шумпетер в «Истории экономического анализа» (*Schumpeter*, 1954. P. 727). Соглашаясь с Шумпетером, нельзя не учитывать и того факта, что ретроспективный взгляд, также как и написанная история, несет на себе отпечаток своего времени. Не случайно, магия даты 1871 г. возникла через много лет после события и, кажется, уже больше не существует.

В последней трети XIX в. ландшафт экономической науки в Европе и Америке определяли историческая школа и то направление, которое можно назвать старым институционализмом, важную роль играли также конкретные исследования и различного рода социальные направления. И на эту ситуацию не повлияли ни знаменитый *Methodenstreit*, ни появление работ Вальраса, Джевонса, Менгера. На протяжении нескольких десятилетий после 1871 г. процесс освоения их идей шел с переменным успехом и достаточно медленно, и даже в XX в. можно встретить утверждения, что не оправдались надежды на создание на новом основании субъективной теории ценности, прочной научной структуры, обладающей «строгой красотой физико-математических наук» (*Moore*,

1914. P. 85). Показательно, что в 1921–1922 гг. ведущие журналы не откликнулись ни на 50-летний юбилей маржиналистской революции, ни на кончину одного из ее героев — Карла Менгера. По-видимому, в тот момент эти события не казались особенно значительными на фоне общей обеспокоенности экономистов назревшими переменами в экономической науке. И эти перемены были связаны не только с необходимостью пересмотра ряда положений теории, но и с возможностями, открывшимися в связи с приходом в экономическую науку инструментов и методов из других дисциплин, прежде всего статистики и математики (Bouike, 1922a. P. 9).

Несколько замечаний о терминах

Для характеристики процесса признания маржинализма полезно обратиться к истории соответствующих терминов. Показательно, что термин «маржиналистская революция» стал популярным позже, чем были приняты соответствующие идеи. Хотя в 1930-е гг. теория предельной полезности уже была представлена в работах по истории экономической мысли, термин «маржиналистская революция» (в принятом сегодня значении и, заметим, в кавычках) был предложен, как полагает М. Блауг, Шумпетером в «Истории экономического анализа» (Шумпетер, 2001. С. 1093). Интересно, что понятие «кейнсианская революция» появилось даже чуть раньше, а именно в 1947 г., когда Л. Клейн опубликовал свою известную работу (Klein, 1947), после чего оно быстро и прочно вошло в научную и учебную литературу.

В некотором смысле экономисты могут считать себя первооткрывателями концепции научной революции, поскольку в конце 1940-х гг. Т. Кун только начинал свои исследования и его знаменитая работа была опубликована более чем десятилетие спустя (Kuhn, 1962). Но, разумеется, ни Шумпетер, ни Клейн не имели в виду куновское значение термина «научная революция», а Кун вряд ли имел в виду экономическую науку и экономистов. Интересно, что Шумпетер, посвятивший Кейнсу последнюю из написанных им глав «Истории

экономического анализа» и признававший значение «Общей теории» и ее влияние на современников, не называл работу Кейнса революционной, хотя уже в конце 1940-х гг. было ясно, что его идеи успешно завоевывали пространство науки, образования и, разумеется, политики. Шумпетер таким образом сам подтвердил правоту собственного высказывания о «близорукости» современников и необходимости временной дистанции для правильной оценки события.

Потребовалось два десятилетия после публикации «Истории» Шумпетера, чтобы термин «революция» занял законное место в литературе, посвященной истории и методологии экономической науки. По-видимому, этот процесс завершился к столетию маржиналистской революции, которое было отмечено рядом публикацией, окончательно легитимировавших соответствующий термин⁵. Неудивительно, что вслед за этим начался настоящий бум «революций»: «сраффианская революция», «монетаристская революция», «революция рациональных ожиданий», каждая из которых в различной степени претендовала на разрыв с предыдущей традицией и, конечно, в различной степени осуществляла его. Примечательно, что авторы, использовавшие эти термины, даже не пытались привести их в соответствие с понятием научной революции Куна.

Непростой, хотя и иной, была история терминов «маржинализм» и «маржиналистский». Использование предельных величин в экономических исследованиях не было новацией героев революции. Примеры обращения к предельным (последним, пограничным) величинам можно найти в работах экономистов XVII в. и даже еще раньше⁶, причем не только в связи с проблемой полезности. Даже Рикардо с его послед-

-
5. Здесь следует упомянуть прежде всего два сборника докладов, которые были представлены: в августе 1971 г. в Белладжио (Италия) на конференции, посвященной 100-летию маржиналистской революции (*Collison Black et al. (eds.), 1972*), и в июне 1971 г. на конференции в Вене, посвященной 100-летию публикации работы Менгера (*Hicks, Weber (eds.), 1973*). Примечательно, что юбилей работы Менгера отмечался как событие, связанное скорее с возникновением австрийской школы, нежели с маржиналистской революцией.
 6. См. например, (*Seligman, 1903*).

ним по производительности (т.е. предельным) участком земли можно считать сторонником «предельного подхода», или, по словам Самуэльсона, «примитивного неявного маржинализма» (*Samuelson*, 1983. Р. 1469). Однако понятия «маржинализм», «маржиналистский», «маржиналисты» в принятом сегодня значении появились только в начале XX в. Одним из первых (если не первым), их использовал Дж. Гобсон в работах 1909–1926 гг. (*Hobson*, 1909, 1914, 1926), причем придавая им негативную коннотацию⁷. О маржиналистах и маржинализме в 1910–1930-е гг. писали историки экономической мысли Г. Льюис (*Lewis*, 1911), О.Ф. Бук (*Bouke*, 1921, 1922а, б), Э. Ролл (*Roll*, 1923). После того, как Л. Роббинс в 1932 г. в качестве универсального экономического утвердил принцип максимизации при заданных ограничениях (*Robbins*, 1935), маржиналистский анализ фактически «срастается» с принципом рациональности и становится его аналитическим выражением (*Machlup*, 1946. Р. 519).

Революции, как известно, создают своих героев, также как и герои делают революцию. Шумпетер утвердил в качестве революционеров-маржиналистов знаменитое трио, хотя до него список тех, кого можно было бы отнести к маржиналистам, был длиннее и менее определенным. Так, например, Бук предлагал включить в него Госсена и Дженнингса, а Льюис основоположниками считал Ллойда, Джевонса, Госсена и Вальраса. Что касается самих героев революции, то Вальрас и Джевонс своим единомышленником видели Госсена и были готовы признать его заслуги, а в некоторых вопросах и приоритет (*Walras*, 1885), в то же время они отчасти дистанцировались от Менгера (*Walras*, 2000. С. 146) и тем самым уже посеяли семена «разбора», впоследствии известного как проблема гомогенизации–дегомогенизации⁸.

7. Не могу здесь не вспомнить об аналогичной истории со словом «импрессионизм», также «вброшенном» критиком этого нарождавшегося направления – журналистом Л. Леруа.

8. См., например, раздел «История экономической науки» в альманахе «Истоки» (Истоки, 2015. С. 57–130).

Еще при жизни Вальраса и Менгера была предпринята одна из первых (если не первая) попыток вписать маржинализм в общей контекст истории экономической мысли XIX в. В одной из самых популярных в начале XX в. работ по истории экономической мысли ее авторы Ш. Жид и Ш. Рист отнесли Л. Вальраса и У. Джевонса к математической школе⁹, а К. Менгера и Е. Бём-Баверка — к психологической¹⁰. Они видели серьезные различия в методах этих школ, но их общим философским основанием считали гедонизм и, более того, рассматривали экономический принцип как проекцию гедонизма на экономическую область. Жид и Рист видели в гедонизме философское и этическое основание принципа методологического индивидуализма. К этому можно добавить, что основой, объединяющей Вальраса и Джевонса и «подталкивающей» к применению математического метода, был утилитаризм. Не случайно Менгер, отказавшийся от математического метода, дистанцировался и от утилитаризма.

Таким образом, в начале XX в. Вальрас и Джевонс, с одной стороны, а Менгер и Бём-Баверк — с другой, воспринимались как представители различных направлений, хотя и имеющих точки соприкосновения. Их объединение, хотя и с оговорками, в группу основоположников произошло значительно позже, когда появилось и вошло в употребление понятие маржиналистской революции. Но поскольку это понятие утвердилось в рамках мейнстрима, объединение Вальраса, Джевонса и Менгера в качестве основоположников было актом скорее инкорпорирования Менгера в мейнстрим, нежели объединения равных. Но австрийская школа, прежде всего в лице Хайека, не смирилась с ролью периферийного направления мейнстрима. Подтверждением этого и является

-
9. Поскольку Жид и Рист писали почти через 40 лет после знаменитой даты, их список представителей математической школы оказался уже весьма обширным, в частности в него вошли Маршалл, Эджуорт, Лаунгардт, Парето, Бароне, Фишер, Борткевич (*Жид, Рист*, 1914. С. 46).
 10. Поместив параграфы, посвященные указанным школам, в одну главу, эти авторы включили ее в раздел «Современные учения», содержащий (и нам это кажется курьезом) кроме этих школ солидаризм и анархизм.

независимое празднование знаменательной даты – 1871 г., о чем упоминалось выше.

Таким образом, весь набор привычных нам понятий, связанных с маржинализмом, складывался в течение длительного времени, но не менее долгими были и поиски ответов на вопросы об истоках, причинах и движущих силах того явления, которое сегодня принято называть маржиналистской революцией.

В поисках причин впечатляющего совпадения

В главе «Маржиналистская революция» в книге «Экономическая мысль в ретроспективе» (первое издание 1961г., четвертое – 1985г.) (Блауг, 1994) и в статье «Маржиналистская революция, была ли она?» (Blaug, 1972) Блауг утверждает, что невозможно найти логического объяснения тому факту, что трое экономистов независимо друг от друга пришли к столь важным сходным идеям. Для доказательства он предлагает рассмотреть внешние обстоятельства: процессы в самой экономической науке, особенности интеллектуальной среды и характер экономической системы, в которой жили герои, их отношение к социализму и марксизму¹¹. Блауг приходит к выводу, что Вальрас, Дживонс и Менгер жили в разных интеллектуальных и экономических средах, определенных прежде всего национальными границами, и у них, как и вообще у экономистов из разных стран, не было (и не могло быть) тогда единой повестки, не было общих предшественников и т.д.

11. В общей форме вопрос о влиянии внешних факторов на экономическую науку был поставлен в 1960 г. Д. Стиглером, который связал возможность данного процесса со степенью зрелости науки: «После того, как событие произошло, всегда можно найти во внешних условиях – особенно если мы к ним относим интеллектуальное окружение, нечто, что можно связать с развитием экономической теории, но это будет упражнением в эрудиции, но не объяснением.... Знаком зрелости дисциплины является то, что ее основные проблемы не выводятся непосредственно из меняющихся событий» (Stigler, 1960. P. 38). В данном случае это соображение мало помогает, поскольку заменяет одну проблемой другой. Экономическую науку в середине 1870-х гг. вряд ли можно назвать зрелой, поэтому упражнение в эрудиции, возможно, имеет смысл, и, заметим, структура и содержание «Истории экономического анализа» это подтверждает.

Трактовку маржиналистской революции как реакции на марксизм, которую предложил в свое время Н.И. Бухарин (*Бухарин, 1925*) и с которой через много лет отчасти согласился Б. Селигмен¹², Блауг отмечает по той простой причине, что в начале 1870-х гг. ни Джевонс, ни Вальрас, ни Менгер вообще не были осведомлены о Марксе, а идея противостояния маржинализма (точнее, субъективной теории ценности) марксизму (трудовой теории ценности) возникла позже в связи с известной критикой теории ценности Маркса Бём-Баверком (*Бём-Баверк, 1897*)¹³. Что касается отношения этих трех экономистов к капитализму, то они, конечно, не были его ниспровергателями, но при этом проявляли, хотя и в разной степени, интерес к социальной проблематике и размышляли о реформах. Во всяком случае, как справедливо указывал Хайек, они не стремились с помощью новой теории заново обосновать практические и политические вводы классиков, а скорее видели свою задачу в построении такой, которая лучше, чем существовавшие, объясняла функционирование рыночной системы (*Хайек, 2005б. С. 46*). Но Хайек, и это вполне ожидаемо, не пишет, на решение каких задач они предполагали употребить это знание. По крайней мере, в случае Вальраса это совершенно ясно — на решение социального вопроса и продвижение к более справедливой социально-экономической системе.

В поисках истоков: три тенденции

В работе о Карле Менгере Хайек писал, что всех троих героев маржиналистской революции вдохновляла интеллектуальная традиция, которая, по крайней мере, со времен Фернандо Галиани в XVIII в., развивалась бок о бок с теориями труда и издержек, восходящими к Джону Локку и Адаму

12. Селигмен в частности утверждал, что маржиналистская доктрина преследовала цель противостоять усилению критики капитализма (*Селигмен, 1968. С. 145*).

13. Во многом именно благодаря этой книге и содержащейся в ней критике Маркса русские экономисты обратили внимание на австрийскую школу и теорию предельной полезности (*Макашева, 2009*).

Смиту» (там же. С. 46–47). Он называл эту традицию¹⁴ живой, самостоятельной и «неортодоксальной» (находящейся в оппозиции к классической политической экономии) и видел ее истоки в работах итальянских и французских авторов XVIII в. Эти авторы связывали ценность с полезностью и таким образом обозначали альтернативу теории ценности, которая ассоциировалась с именами Смита и Рикардо. Хайек утверждал, что своему успеху классическая школа была обязана не только масштабности Смита и строгой логике Рикардо, но и «гибкости» их последователей, которые находились под влиянием альтернативных представлений о ценности. Именно поэтому Хайек назвал это направление квази-рикардианской ортодоксией (там же. С. 45).

В истории экономической мысли старейшим предшественником теории полезности (субъективной теории ценности) практически единодушно признается Ф. Галиани¹⁵. При этом несмотря на целый ряд интересных соображений, присутствующих в его работе, он не совершил прорыва в области теории ценности. Что же касается других претендентов на роль первопроходцев, то их списки у разных историков различаются в зависимости от временных рамок и того, какие аспекты теории полезности кажутся историку наиболее важными: субъективный подход и функциональный анализ, предельные величины и принцип максимизации, спрос и предложение и т.д. Так, например, Ронкалья к ста-

14 Слово «традиция», которое использует Хайек, возможно, не вполне адекватно отражает характер явления, поскольку оно предполагает преемственность и развитие идей. Однако в работах авторов, по крайней мере первой половины XIX в., совсем немного упоминаний предшественников или современников. Перед нами скорее мозаика идей, нежели поступательный процесс роста знания. Однако, возможно, подобное впечатление – следствие иной, нежели сегодня, культуры цитирования – нечастые упоминания имен, причем, как правило, без точных ссылок на работы.

15. Как отмечает Ронкалья в своей главной работе «О деньгах» (1750), Галиани впервые представил ценность через отношение обмена между количествами двух товаров, установил ее зависимость от полезности и редкости, наметил принцип убывающей предельной полезности, хотя и не сформулировал его в явном виде (возможно, первенство в этом следует отдать Н. Барбону, который пришел к пониманию этой связи на много десятилетий раньше), признавал взаимосвязь цен, спроса и предложения и, наконец, высказал идею о временных предпочтениях и их влиянии на оценку ценности блага (Ронкалья, 2018. С. 110–111).

рым предшественникам теории полезности кроме Галиани относит П. Верри и Ч. Беккариа (*Ронкалья*, 2018. С. 144–146), Шумпетер добавляет Э.Б. Кондильяка¹⁶ и А.А. Тюрго¹⁷ (*Шумпетер*, 2001, Т. 3. С. 1386; Т. 1. С. 323–324), а Ньеханс – Б. Даванзати и Д. Монтанари (*Niehans*, 1990. P. 118).

В XVIII в. «неортодоксальная» традиция, о которой писал Хайек, была представлена довольно многочисленными работами, авторы которых в разной степени и с различных сторон обсуждали проблему ценности–полезности. Главным образом они сосредоточивались на понятиях полезности, ценности, потребительной ценности, меновой ценности, редкости, цены и отношений между этими понятиями и высказали много интересных идей, часто опережающих время. Ранние авторы (и Галиани не является исключением), как правило, не называли единственную причину ценности¹⁸, а рассматривали полезность и редкость лишь как одну ее сторону, а другую связывали с трудом (*ibid.* Pp. 118–121).

Таким образом, вряд ли правильно считать «неортодоксальную» традицию оппозицией классике, по крайней мере, когда речь идет о XVIII в. и начале XIX в. Скорее, можно говорить о том, что вся политическая экономия в этот период в некотором смысле представляла собой «неортодоксальную» традицию, в рамках которой не было строгого размежевания между концепциями полезности и трудовой ценности. Заметим, что на заре разграничения двух теорий ценности

-
16. С этим автором связано одно интересное совпадение: в 1776 г., т.е. в год появления «Богатства народов», он опубликовал работу «Торговля и правительство и их взаимодействие», где сформулировал концепцию полезности, подчеркнув, что полезность – это не свойство предмета, а отношение, связанное с желанием человека и определяемое его интенсивностью, из чего следовало, что ценность зависит от редкости, и, кроме того, использовал данную концепцию при анализе обмена (*Condillac*, 1776). Таким образом, можно утверждать, что «неортодоксальная» традиция возникла никак не позже, чем традиция связывать ценность с трудом.
 17. Позиция Тюрго интересна и еще в одном отношении. Уделив внимание проблеме ценности и вслед за Галиани признав проблему трудовой ценности, Тюрго определил анализ цены как предмет политической экономии (*Тюрго*, 1905. С. XII).
 18. Исключением можно считать Н. Барбона, который еще в 1670-е гг. связал ценность с полезностью и редкостью и высказал идею убывающей полезности.

появились и первые сторонники их синтеза (например, Н.У. Сениор) и обозначилась линия, которая была характерна для английской экономической мысли и наиболее ярко представлена Д.С. Миллем и А. Маршаллом (*Roll*, 1923. P. 342). Эта линия находила «поддержку» еще у Смита, который считая труд мерой меновой ценности, но при этом обращался к понятиям полезности и потребительной ценности (*Смит*, 207. С. 87–88).

В Англии движение в сторону «нетрудовой» теории ценности началось, вероятно, с Лодердейля, который видел в полезности и редкости факторы, определяющие спрос и, следовательно, меновую ценность товаров (*Lauderdale*, 1804). В 1834 г. были опубликованы еще две работы, которые относятся к этой тенденции: «Лекции по политической экономии» М. Лонгфильда (*Longfield*, 1834) и «Лекции о понятии ценности как отличном от понятия не только полезности, но и меновой ценности» У. Ллойда (*Lloyd*, 1834). Их авторы продолжали обсуждение понятий ценности и полезности, начатое еще в XVIII в. и начале XIX в., причем часто в контексте проблем, поставленных Смитом и Рикардо: ренты, измерения ценности и роли труда как универсального показателя, распределения и т.д. Будучи сторонником концепции субъективной ценности¹⁹, Ллойд пошел еще дальше и приблизился к теории предельной полезности, а размышляя о законе насыщения потребности и уменьшающейся ценности блага по мере его потребления, высказал интересную мысль о том, что появление новых товаров раздвигает границы потребностей (*ibid.* Pp. 6–7). Тем самым он, хотя и в очень осторожной форме, указал путь выхода за рамки статического подхода,

19. Он в частности писал: «Удовлетворение, получаемое от использования предмета, должно быть равно желанию этого предмета, ... ценность ... есть чувство привязанности или уважения к предмету, возникающее из ощущения потери удовлетворения, связанного с потерей предмета. Таким образом, в своем конечном смысле этот термин [ценность], несомненно, означает чувство, которое всегда проявляется на границе разграничения удовлетворенных и неудовлетворенных желаний» (*Lloyd*, 1834. P. 16).

который впоследствии станет ахиллесовой пятой субъективной теории ценности.

Лонгфильд, также как и Ллойд, разделял идею предельной полезности, но при этом предлагал уйти от обсуждения природы ценности и ее измерителя и сосредоточиться на анализе рыночного обмена и цен сквозь призму соотношения спроса (определяемого полезностью) и предложения (зависящего от издержек). Именно в анализе обмена он видел основное содержание теоретической политической экономии (*Longfield*, 1834. Pp. 27–29) и, как можно понять из его рассуждений, предполагал использовать предельные величины.

Идея предельной полезности нашла сторонников не только в Англии. Так, например, во Франции Ж.-Б. Сэй, который не порывал с учением Смита и даже выступал в роли его популяризатора и интерпретатора, «сдвинул» теорию ценности в направлении, отчасти намеченном Кондильяком. В работе «Трактат политической экономии» (*Say*, 1803) и в ее более поздних изданиях он применил концепцию полезности при анализе факторов производства и, по-видимому, первым высказал идею, что они предлагают производственные услуги, а их ценность определяется ценностью продуктов произведенных с их помощью; он также рассматривал издержки производства как верхнюю границу ценности, определенной полезностью. Таким образом, хотя и со многими оговорками, Сэй можно отнести к представителям «неортодоксальной» традиции, о которой писал Хайек.

На протяжении большей части XIX в. Ж.-Б. Сэй был самым авторитетным экономистом во Франции. Основанная им и впоследствии возглавляемая его братом Леоном французская либеральная школа доминировала в академической среде (*Breton*, 1992. P. 27). Ее представители, идейно связанные с либерально-консервативным направлением политической мысли, следовали в русле эклектического подхода Сэя и разделяли его нелюбовь к математике; они не имели ясной теоретической платформы, но жестко отстаивали принцип

laissez-faire (Gallois, 2011. Рр. 9–10). Именно эта школа формировала французский академический истеблишмент, во многом определявший консерватизм французской экономической мысли того времени.

Однако и в подобных условиях рождались новые идеи. И здесь важную роль сыграли, как я полагаю, две интеллектуальные традиции. Одна из них основывалась на утвердившейся еще со времен эпохи Просвещения вере в универсальные законы и в возможности их познания с помощью методов естественных наук. Другая, «инженерная», связанная с Национальной школой мостов и дорог, была ориентирована на решение практических задач гражданского строительства. Соединение этих традиций и объясняет появление во Франции работ, в которых экономическая наука предстала в качестве практически ориентированной дисциплины, основанной на принципах рационального расчета, имеющей дело с количественными величинами и использующей математические методы. Речь идет прежде всего о двух авторах, которые, с одной стороны, были предшественниками Вальраса, а с другой – опередили его, но также как и он, не были в должной мере оценены на родине – О. Курно и А. Дюпюи.

Сегодня Курно справедливо считается одним из отцов математической экономики, первым экономистом-математиком и основоположником теории монополии. При этом он был не только экономистом, но и философом, представляющим естественно-научное направление, в отличие от других философов-экономистов, например, А. Смита или Дж. С. Милля, которые были связаны с моральной философией. Блауг писал, что читая первую крупную работу Курно (которая, заметим, у этого философа была экономической – «Исследования о математических принципах теории богатства» (Cournot, 1838))²⁰, «трудно поверить в год ее издания: минуло лишь 15 лет после смерти Рикардо и 10 лет оставалось

20. Кроме нее Курно опубликовал еще две экономические работы, выдержанные, однако, в традиционном литературном стиле: (Cournot, 1863, 1877).

до появления “Принципов политической экономии” Милля (1848)» (Блауг, 2005. С. 152). Это удивление объясняется главным образом совершенно непривычными для современников способом формулирования проблем и методом исследования, благодаря которым эта работа была впоследствии названа «первой последовательной и в целом успешной попыткой применения математики к широкому спектру экономических проблем» (Theocharis, 1983. P. 131). Методологическое значение этой работы состоит в том, что в основу анализа был положен принцип рациональности, понимаемый как оптимизация, и был указан путь к построению теории на его основе, что освобождало исследователя от необходимости погружаться в проблемы ценности и психологии поведения индивидов. Вопрос о роли математики и абстрактного метода мы затронем позже, здесь же остановимся на нескольких моментах, имеющих отношения к эволюции концепции полезности/ценности.

Курно начинает свою главную работу в области экономики с определения богатства и связывает абстрактное его понятие с абстрактным понятием меновой ценности. Меновые ценности для Курно — это относительные величины, для выражения которых может быть использован некий измеритель, причем в чистой теории им может быть не только материальный объект (например, денежный металл, который, однако, плох тем, что его ценность не является абсолютно неизменной величиной), но и некая абстрактная единица²¹. Все эти рассуждения занимают весьма незначительную часть работы, и, по существу, нужны лишь для того, чтобы можно было обсуждать совокупное богатство и факторы, на него влияющие. К богатству Курно относил вещи, имеющие в данном обществе и в данное время цену. Именно цена становится центральным понятием, вполне ясным и осязаемым в отличие от расплывчатых *идей* полезности, редкости и пригодности (Cournot, 1838. Pp. 5–6). Не удивительно, что Курно редко обращался к термину «полезность»

21. Здесь, конечно, возникает ассоциация со знаменитым *numéraire* Вальраса.

(*utilité*) – мы можем насчитать менее десяти его упоминаний, причем под ним он понимал совокупную (общественную) пользу от некоторого блага. В центре его внимания всегда был рынок (имеющий различную структуру), анализируемый сквозь призму функций спроса и предложения. Причем эти функции Курно никак не связывал с полезностью и определял их вид на основе наблюдения.

Отчасти к обсуждению проблемы полезности, хотя и в ее специфической трактовке, «вернулся» современник Курно, представитель так называемого инженерного направления²² Ж. Дюпюи²³, занимавшийся оценкой полезности/пользы публичных благ (гражданских сооружений). Для решения этой задачи он использовал функцию спроса, которую непосредственно связывал с функцией (кривой) предельной полезности, а вид первой определял исходя из принципа снижающейся предельной полезности²⁴. Как и Курно, Дюпюи не погружался в обсуждение вопроса об единицах измерения полезности, ему было достаточно считать, что ее соответствующую величину представляет сумма денег, которую чело-

22. Понятие «инженерное направление» в экономике весьма условно и объединяет разнообразные исследования, посвященные экономическим вопросам, возникающим при строительстве и использовании крупных общественных объектов, а также при размещении ресурсов и выборе производств. Этими вопросами занимались, как правило, люди, имевшие инженерное или естественно-научное образование, и нет ничего удивительного в том, что они применяли математические методы не только при решении чисто инженерных, но и связанных с ними экономических задач. Однако лишь немногие в первой половине XIX в. рассматривали проблемы тарифов, размещения или конкуренции с абстрактно-теоретической точки зрения и строго в рамках оптимизационного подхода. Среди этих немногих, кроме Дюпюи, можно назвать американского инженера Ч. Эллета, получившего образование в Политехнической школе в Париже и в 1830–1840 гг. руководившего строительством многих мостов в США (в том числе самого большого в то время в мире подвесного моста через р. Огайо и моста через Ниагарское ущелье); ирландского физика, математика и инженера Д. Ларднера, в 1850-е гг. занимавшегося строительством и управлением (включая определение тарифов) железных дорог в Англии. (Об истории исследований экономических проблем транспорта см., например: *Егоров, 2021*).

23. Удивительно, что нет никаких свидетельств того, что Курно и Дюпюи когда-либо встречались или хотя бы ссылались на работы друг друга, хотя они жили в Париже в одно время, занимались экономическими проблемами и подходили к их решению с близких позиций и оба состояли на государственной службе.

24. Основные работы Дюпюи были посвящены инженерным вопросам, а экономическим – лишь небольшое число, например, (*Dupuit, 1844, 1849, 1853*).

век готов пожертвовать ради получения дополнительной единицы блага. Он не касался и проблемы агрегирования, а сосредоточился на исследовании того, что сегодня называется потребительским излишком, при изучении которого прибегал к геометрической иллюстрации в духе Маршалла. Таким образом инженерное направление в экономике означало сосредоточенность на расчете, понимаемом и как получение численных оценок, и как алгебраическое решение соответствующих задач.

К «инженерной» традиции, хотя и с большими оговорками и лишь отчасти, можно отнести немецкого ученого Й.Г. Тюнена (1783–1850) и его работу «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и народному хозяйству в целом» (первая часть – 1826 г., вторая – 1850 г., третья – 1863 г.), особенно ее вторую часть, в которой принцип максимизации прибыли (ренты) применен при решении проблемы пространственного размещения производства и выбора технологии. Тюнен, в отличие от Курно и Дюпюи, сосредоточился на проблемах производства и распределения и применил к их решению оптимизационный подход. Тем самым он заявил о себе как об основоположнике теории предельной производительности и распределения, в которой труд и капитал являются равноправными участниками процесса производства и создания ценности²⁵. Его модель считается первой статической моделью пространственного равновесия, которую, используя более совершенный математический аппарат, П. Самуэльсон обобщил до модели общего пространственного равновесия (*Samuelson*, 1983).

Заметим, что среди направлений исследований Тюнена было одно, несколько подорвавшее его репутацию в глазах представителей экономической науки XX в. Речь идет о попытке Тюнена определить справедливую, или естественную (т.е. удовлетворяющую как работников, так и их нани-

25. Тюнен не использовал прилагательное «предельный», но словами «край» (*margin*) и «предел» (*limit*) пользовался активно (*Niehans*, 1990. P. 170).

мателей) заработную плату²⁶. Сам же автор считал исследование в этой области едва ли ни своей миссией как ученого и человека; полученные им результаты были высоко оценены некоторыми экономистами XIX в.²⁷

К проблеме предельной полезности и анализу богатства с позиций спроса обратился младший современник и соотечественник Тюнена Г.Г. Госсен²⁸. Хотя достижения этого ученого сейчас считаются выдающимся и по ряду позиций стоящими вровень с достижениями признанных героев маржиналистской революции, в свое время его работа «Законы человеческих отношений и правила человеческого взаимодействия, из них вытекающие» (*Gossen, 1854*) прошла совершенно незамеченной и не оказала никакого влияния на современников. Не случайно Э. Ролл назвал Госсена предвестником, а не предшественником маржиналистской революции (*Roll, 1973, P. 374*).

Впервые статью о Госсене, как известно, написал Л. Вальрас (*Walras, 1885*), который был удивлен достижениями этого

-
26. Самуэльсон назвал концепцию заработной платы Тюнена причудливой, на которую зря были потрачены «галлоны чернил» (*Samuelson, 1983, P. 1469*). Почти за полтора века до Самуэльсона формулу естественной заработной платы назвал причудой автор предисловия ко второму немецкому изданию «Изолированного государства» Г. Вентиг (*Тюнен, 1926, С. 7*), хотя в данном случае это слово относилось скорее не к теоретической конструкции как таковой, а к ее математической формулировке.
27. Так, первый переводчик работы Тюнена на русский язык М. Волков писал: «Величина естественной заработной платы может служить краеугольным камнем в руках благонамеренных людей для устройства прочного порядка и согласия в производительных слоях общества» (*Тюнен, 1857, С. III*). Через три десятилетия другой русский автор дал не менее высокую оценку этому результату Тюнена: «Обстоятельное, проникнутое глубоким философским духом и основанное на тонком логическом анализе исследование фон Тюнена о рабочей плате составляет одно из лучших и приобретений и украшений классической (курсив мой. — Н.М.) политической экономии» (*Слонимский, 1878, С. 11*). Заметим, что Л. Слонимский, высоко оценивший работу Тюнена, в том числе за использование предельных величин и математического метода, не считал ее революционной ни в методологическом, ни в теоретическом отношении, поскольку отнес ее к классической школе. Скорее всего, основанием для этого было то, что в работе Тюнена он увидел блестящий результат применения дедуктивного метода, а также то, что внимание было уделено прежде всего вопросам производства.
28. Нет свидетельства того, что Госсен был знаком с работой Тюнена, хотя 2-е издание первой части «Изолированного государства» было опубликовано в 1842 г., а в 1850 г. появилась и вторая часть, содержащая теорию распределения с точки зрения предельной производительности. И эти работы Госсен в принципе мог видеть.

ученого. Интересна история того, как он узнал о Госсене. По словам самого Вальраса, это произошло в 1879 г. благодаря Джевонсу, который услышал о Госсене от английского профессора Р. Адамсона, а тот обнаружил ссылку на Госсена в работе венгерского экономиста Ю. Каутца «Теория и история национальной экономики». В двух коротких сносках Каутц заметил, что Госсен пытался предложить *теорию* и *философию* удовольствия, в которой люди рассматриваются как действующие в соответствии со своей природой – стремлением к максимуму удовольствия (Kautz, 1858. S. 9)²⁹. Связующим звеном между Каутцем и Госсеном был гедонизм, провозглашающий основным законом человеческого поведения стремление к наибольшему удовольствию. И этот закон Госсен представлял математически как оптимизацию при заданных ограничениях на ресурсы. В этом случае теория удовольствия становилась сводом характеристик процесса получения максимума удовольствия, и они, или правила, сегодня нам известны (благодаря В. Лексису) как законы Госсена. При этом новацией Госсена является только второй закон, первый же был сформулирован У. Ллойдом за двадцать лет до Госсена (Niehans, 2006. P. 551).

Появление революционной работы Госсена в Германии может показаться странным, если учесть, что гедонизм плохо приживался на немецкой почве. В первой половине XIX в. интеллектуальная жизнь Германии протекала, как известно, под сильным влиянием выдающихся философов И. Канта, Ф. Шеллинга, И. Фихте, Г. Гегеля. Однако, как отмечал И. Шумпетер, несмотря на это, влияние философии на профессиональных экономистов было незначительным (Шумпетер, 2001. Т. 2. С. 542). Что касается экономической теории, то хотя в Германии классическая школа находила своих последователей³⁰, и сам Госсен, скорее всего, был знаком с идеями Смита (например, через К.Г. Рау), последняя не

29. Интересно, что в том же самом 1858 г. была опубликована книга И.В. Вернадского, в которой автор упоминает Госсена как сторонника абстрактного метода, но не как новатора в области теории.

30. В разной степени идеи Смита поддерживали К. Крауз, Х. Шлецер, Г. Шторх.